

В «ВЕЧЕРКЕ» я начал печататься в 1939 году. Написал большую рецензию на спектакль «Мария Стюарт» в Театре Ленсовета (этот интересный, своеобразный коллектив распался во время войны, сейчас в его здании филиал Малого театра) с эпиграфом из Маркса, пространными рассуждениями о Шиллере, режиссерском замысле, актерах... С робостью переступил порог редакции на Чистых прудах. В отделе литературы и искусства меня доброжелательно встретил Яков Гринвальд, и... через несколько дней статья появилась в газете почти без редакционной правки.

Эта была первая публикация в

редактор, он спросил — а как рецензировал самый-самый главный на спектакль: смеялся, аплодировал, пригласил режиссера к себе в ложу? Это уже были не сталинские времена, но страх перед самым-самым остался. Никто не смог ответить на эти вопросы, и рецензию так и не напечатали. Щедрый Сева все же заплатил гонорар по самой высшей ставке.

Вообще в журналистике бывает много неожиданностей. Очень уважымый театр поставил откровенно халтурный, недостойный его спектакль. Я возмутился и написал резкую статью. Когда ее поставили в номер, я накануне приехал в редакцию и еще раз проверил весь текст

ти все спектакли. Началось с того, что в давние времена театром руководил Владимир Гольдфельд — он был и драматургом, ставил свои пьесы на своей же сцене. Отношение к критикам у него особое. Приглашая на премьеру, он присылал машину, в антракте устраивал обильное угощение, а после спектакля машина снова доставляла домой. Как после этого можно было написать критическую рецензию или не откликнуться на новую постановку? И критики хвалили, а зрители в театре не ходили; по своему местоположению и престижу это одна из самых неппулярных театральных площадок столицы.

Как-то я посмотрел спектакль, кажется, он назывался «Серая шляпка», — веселое, водеvilное представление, он мне искренне понравился, и я написал в «Вечерку» несколько страничек. А вскоре состоялся пленум творческой интеллигенции не где-нибудь, а в Кремле — в том самом зале, где сейчас заседают депутаты. С докладом выступил московский партийный вождь В. В. Гришин, напевно, не вникая в смысл текста, он читал кем-то написанный материал, где все было обстоятельно изложено — идейная направленность репертуара, порицание режиссуры, отклоняющейся от реалистических принципов, дошла очередь и до критики. И вдруг я услышал свою фамилию — написал положительную рецензию, а коллектив театра спектакль не принял — «смелхотемье», — собирается снять с репертуара. Вот такой пример безответственности критика! (Позже я узнал, кто в Управлении культуры писал этот абзац). В перерыве я принимал «поздравления». Прославился От «Вечерки» меня отлучили на несколько лет, все мои предложения написать ту или иную статью отклонялись. Выручила журналистская солидарность — я стал более активно сотрудничать с другими изданиями.

А связь с Театром им. Гоголя продолжалась. Здесь вот уже много лет работает на редкость обязательная, трудоспособная и пунктуальная заведующая литературной частью, Лариса Тимофеевна Латышева, и я откликаюсь на каждое приглашение. Главного режиссера Сергея Яшина я знаю с первого дипломного спектакля, мы вместе работали в Центральной детской театре. Он человек одаренный, неустанно ищущий.

Особенно порадовала последняя премьера — «Комический театр» Карло Гольдони (сейчас отмечается дружеством со дня смерти итальянского драматурга).

Режиссер Владимир Боголепов работает в театре давно, почти два десятилетия, но, так сказать, — в вторых ролях: ставил спектакли вместе с главным, самостоятельных работ у него не так много, и они не задерживались в репертуаре. И вдруг неожиданность — спектакль-праздник о поэзии, волшебстве, магии театра и вместе с тем о будничных невзгодах, интригах, склоках, трудностях — нет денег, нет хороших пьес. Все это звучит очень современно — вечно злободневная тема.

Так перепеллись судьбы критика, газеты, театра. В конечном счете все мы служим одному Богу — Искусству.

Николай ПУТИНЦЕВ.

Давайте главную роль НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

столице (а печататься я начал со школьных лет в моем родном Воронеже). И хотя потом я написал много статей для московских и центральных газет, журналов, различных сборников, но сердце «прикипело» к «Вечерке», здесь я сотрудничал постоянно — все было свое, знакомое, родное.

За полвека содружества с газетой было много любопытных, курьезных эпизодов. Некоторые из них сохранились в памяти.

Однажды я написал добрые слова об актрисе, которая играла трудную роль с неожиданной новизной, душевностью, искренностью. Вдруг я получаю письмо-мольбу: я вам верю, скажите, я действительно могу стать настоящей актрисой, играть такие-то роли — перечисляются классические шедевры, — умоляю, ответьте!

Я долго думал, как начать письмо незнакомой женщине: «уважаемая» — сухо, официально, «дорогая» — слишком интимно, и все же написал перед именем-отчеством — «милая» и дальше — я не лукавил, вы — актриса, если сложится репертуар, то, мне кажется, эти роли в возможностях вашего дарования. Через несколько дней в телефоне раздался звонко-важный голос директора театра: «ваша «милая» положила мне на стол письмо и потребовала — высшую категорию, звание и вот эти роли, иначе грозит уйти из театра. Каким у вас с ней отношения? Больше я никогда личных писем актерам не писал.

Помню, я пришел усталый после спектакля, и вдруг звонит ответственный секретарь редакции Всеволод Шевцов, которого знала вся Москва и называла просто — Сева (он отдал газете буквально всю свою жизнь, на моих глазах начинал с репортера).

— Вы видели спектакль? Нужна рецензия, срочно завтра в номер. На спектакле был самый-самый главный человек.

Что же, не спал ночь, в девять утра диктовал рецензию машинистке. Но когда статья появилась, главный

(был случай, когда мою рецензию так отредактировали, что она из критической стала положительной, — редактору понравился спектакль). Оказалось, все в порядке, и я пошел в Дом актера, где встретил заместителя директора театра.

— Как вам понравился спектакль?
— Кому же это зрелище может понравиться, завтра прочитаете в «Вечерке», — легкомысленно ответил я.

Нетрудно догадаться, что ни завтра, ни потом статья не появилась, последовало указание «сверху».

Быстротечно, сиоминутно искусство театра: «Могущественно воздействуя в настоящем, оно неуловимо в прошлом», — писал Белинский.

Перебираю подшивку моих статей за минувшие десятилетия, и воскресаю в памяти спектакли, когда-то волновавшие сердца зрителей, актерские дебюты. Вот первый отклик на появление Андрея Миронова в «Клопе». Или — дебют балерины Маргариты Дроздовой: впервые я написал, что ее ждет блистательное артистическое будущее.

Я не раз писал обзорные статьи по итогам театральных сезонов. Сегодня перечитываю и удивляюсь — как все-таки трудно по отзывам прессы воссоздать реальную картину жизни столичных театров. Жаль, что мы чаще всего пишем о отдельных явлениях, спектакли-удачи, редко прослеживаем творческий путь того или иного коллектива, не предоставляем от грядущей опасности успокоенности, рутинности, повторов. Много спектаклей рождается и умирает, не получив ни единого слова в прессе, их названия можно отыскать только в театральных архивах. И все же рецензия — документ времени. У разных критиков, естественно, различное видение искусства, но если собрать их высказывания воедино, они могут рассказать о многом, неповторимом, ушедшем.

II.

НЕПОНЯТНАЯ роковая сила связала меня с Театром имени Гоголя (в прошлом театр Транспорта). За полвека я видел там поч-